

ЛОЯЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖИ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ¹

Е. А. Исаева, А. А. Фролов, А. А. Беляков, Е. Д. Гребенко

Исаева Елена Александровна

Эл. почта: elenia2000@mail.ru. ORCID 0000-0001-7001-6161.

Фролов Александр Альбертович

Эл. почта: a.a.froloff@gmail.com. ORCID 0000-0001-8775-016X.

Беляков Алексей Александрович

Эл. почта: belyakov.aleksey920@gmail.com. ORCID 0000-0002-2586-3975.

Гребенко Егор Дмитриевич

Эл. почта: grebenkoegor76@gmail.com. ORCID 0000-0001-9978-077X.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, Ярославль, 150000, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу политической лояльности молодежи к современной власти. В статье представлены результаты двух исследований, проведенных в 2021 году: 1) Опрос 21 эксперта (3 депутата Государственной думы России (в том числе, двое — члены профильного комитета по молодежной политике), специалисты профильных департаментов региональной власти и государственных учреждений, руководители всероссийских молодежных организаций, а также представители молодежных общественных организаций и академического сообщества, изучающие общественно-политическую активность молодежи). Экспертам было предложено высказать свое мнение по 5 тематическим блокам: понимание «лояльности»; характеристика современной молодежи; характеристика государственной молодежной политики РФ; возможности формирования и управления лояльностью молодежи. 2) Анализ юридически закреплённых молодежных диалоговых механизмов в 85 субъектах Российской Федерации. Источником выступила база Консультант Плюс. В статье анализируются основные ценности и приоритеты, доминирующие у молодёжи, ее отношение к органам власти, характер взаимодействия с ней, институциональные рамки молодежных диалоговых механизмов. Дается оценка значимости ключевых нормативно закреплённых диалоговых институтов власти и молодежи. Так, отношение молодежи к органам власти сильно дифференцировано. Ключевой ориентацией к власти является индифферентность в связи с низкой информированностью молодежи о деятельности органов власти. Отмечается, что существующие механизмы воздействия со стороны власти часто оказываются неэффективными ввиду своей однонаправленности и несоответствия интересам молодежи, а механизмы диалогового взаимодействия не отличаются разнообразием и формализацией его каналов, что достаточно сильно влияет на процессы принятия решений в сфере молодежной политики. В статье подчеркивается важность выстраивания диалога власти и молодежи на основе ее вовлеченности в решение значимых социальных проблем с учетом ее интересов и приоритетов, выявляются возможности формирования политической лояльности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, лояльность, власть, диалоговые институты, взаимодействие.

Введение

Современной тенденцией является снижение лояльности граждан к политической системе и политическим режимам. Она, в частности, подтверждается исследованиями Р. Патнэма (Putnam, 1995), Х. Пилкингтона и Г. Поллока (Pilkington, Pollock, 2015). В связи с этим К. Клемент и А. Желнина указывают на целесообразность оперирования категорией «прагматическая политика», которая в большей степени

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

ориентирована на рациональность и прагматизм в политическом поведении, но в то же время приоритизирует социальную справедливость (Clément, Zhelnina, 2020). Ряд исследователей акцентируют внимание на другом следствии кризисов современных институциональных политических систем — на развитии аполитичности граждан в социальном пространстве (Политика аполитичных..., 2015). Это влечет за собой снижение вовлеченности и активности индивидов, их меньшую связь с политической системой. В результате отмечается развитие отчужденности, которая увеличивает разрыв между обыденной жизнью индивида и его восприятием мира политического (Clément, Zhelnina, 2020).

Будущие общественные установки во многом предопределяются ценностями молодежи. При этом, как отмечают исследователи, в современном российском обществе сформировался запрос на радикальное изменение сложившейся системы отношений между государством и обществом (Vikulov и др., 2019). В результате актуализируется потребность в государственной молодежной политике, направленной на снижение деструктивных форм активности молодежи, способной превентивно и своевременно реагировать на духовные потребности и социальные проблемы молодежи. Это усиливает социальный запрос на исследование ориентаций молодежи, ее готовности поддерживать решения и действия властей, ее политическую лояльность в целом. Однако отечественные исследователи отмечают, что российской молодежи свойственны меньшее уважение и слабая лояльность к власти (Сычев, Протасова, Власов, 2020). При этом молодежь в силу своей высокой внутренней дифференциации остается довольно трудно вовлекаемой в российскую политику. Разнообразие этой социальной группы объясняется не только возрастными различиями, но и воздействием процессов социализации на молодых людей (Карпухин, 2000), оказывающих влияние на характер отношения к власти и оценку ее действий. В результате ключевое значение приобретает способность обеспечить лояльность молодежи к современной российской власти и ее решениям. Как отмечают О. В. Попова и О. В. Лагутин, политическая лояльность традиционно определяется как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения (Попова, Лагутин, 2019). Политическая лояльность связана с удовлетворением потребности в идентификации (Гукова, 2015) и базируется на признании легальности и справедливости политического режима (Санина, 2012). При этом, по мнению С. А. Шапиро, лояльность может быть как открытой, так и скрытой (Шапиро, 2013).

Особенности политической лояльности молодежи вытекают из ее групповых интересов, непостоянности и изменчивости ее социального статуса и субъектности (Зубок, Чупров, 2011). Молодежь подвержена воздействию не долгосрочных, а ситуативных и сиюминутных интересов и процессов, которые ввиду сложившихся на данный момент обстоятельств и формируют потребности и ценностные установки молодежи, сильно зависимой от внешнего воздействия. Молодые люди имеют достаточно высокую заинтересованность в общественно-политической жизни страны. В совокупности с однозначным запросом на вовлечение данная социальная группа является достаточно перспективной для возможностей участия в решении социально значимых проблем и вопросов общества.

В то же время молодежь все чаще демонстрирует запрос на перемены (Комаровский, 2021), что осложняет ее взаимодействие с властью. Поэтому в пространстве

публичной политики власть использует различные механизмы управления и оказания влияния на молодежь, на их политические предпочтения и политическое поведение. В частности вовлечение молодых людей в различные формы активности, в деятельность общественных объединений и сообществ, направленных на достижение общих целей, активизирует возникновение процессов мобилизации. Обратные этому — демобилизационные — процессы возникают в результате действий, разобщающих, демотивирующих молодежь и вызывающих у неё пассивное отношение к участию в политическом действии. Для управления процессами мобилизации и демобилизации граждан субъекты политики, которые преследуют свои цели, используют различный набор механизмов и инструментов (Соколов, Палагичева, 2020).

Восприятие молодежью власти во многом определяется доминирующей политической культурой и политическим сознанием (Алмонд, 2002). Важным в данном направлении является воздействие Интернета и социальных сетей, которые в условиях современной цифровизации и глобализации оказывают влияние на социализацию индивида с различных сторон, предоставляя ему огромное количество точек зрения на один и тот же предмет. На качественные характеристики политической культуры воздействует общественно-политическая информация, потребление которой формирует представления индивида о политической действительности. Одним из следствий этого является трансформация ценностей и приоритетов молодежи, переход к постматериальным ценностям (права человека, потребность в самореализации, повышение качества жизни, экологическое благополучие и т.д.) (Бронников, 2019).

На данный момент наблюдается индивидуализация интересов молодых людей. Это связано в первую очередь с нестабильностью социально-экономической ситуации в стране, что побуждает молодых людей отходить от групповых и коллективных интересов, концентрируя внимание на личных проблемах. Подобная ситуация формирует не только негативно настроенных молодых людей, но и тех, кто равнодушен к какому-либо политическому или гражданскому участию. Исходя из этого, как отмечают О. В. Попова и О. В. Лагутин, можно классифицировать лояльность современной российской молодежи на три группы:

1. Лояльные — поддерживающие курс российских властей;
2. Индифферентные — незаинтересованные (безучастные) по отношению к власти;
3. Нелояльные — группа молодежи, негативно настроенная по отношению к власти (Попова, Лагутин, 2019).

Важным показателем лояльности молодежи является активность гражданского участия и взаимодействие с органами власти (Волкова, Гусева, 2013). Исследования демонстрируют отсутствие выраженного интереса молодежи к политике, меньшую вовлеченность в деятельность политических партий и организаций (Гудков, 2020), низкий уровень конструктивного политического участия молодежи (Роль молодежных..., 2019).

Наличие интереса во взаимодействии молодежи с властью может способствовать формированию у молодых людей истинного интереса для решения задач не только по индивидуальным, но и по коллективным целям. Вовлечение молодежи в деятельность диалоговых институтов может способствовать формированию сбалансированных решений, которые смогли бы отражать интересы молодежи как

социальной группы (Исаева, 2013). Однако для обеспечения лояльности молодежи важны не только ее взаимодействие и коммуникация с властью, но и возможность повышения своего статуса, и вхождение в элиту (Шестов, 2008). У молодежи существует осознанная потребность вертикальной мобильности, запрос государству в ее обеспечении. Диалоговые институты могут выступить одним из каналов данной мобильности (Кошкин, 2010). Однако в этом случае существует потребность не только в эффективном функционировании данных институтов, но и соответствующей социализации молодежи (Карпучин, 2000), которая будет ориентирована на конструктивное взаимодействие с властью, готовность соучастия (Кучмаева, 2008).

Российской властью участие молодежи в общественно-политическом процессе воспринимается неоднозначно. С одной стороны, включение новой социально-демографической группы вызывает у власти интерес и осознание необходимости взаимодействия с довольно широким слоем населения. С другой стороны, возможный рост политической активности воспринимается властями в качестве фактора дестабилизации общественно-политической ситуации, что может вызвать неконтролируемый рост протестной активности (Пырма, 2019).

Неучастие молодежи в общественной и политической активностях говорит и о довольно низком уровне доверия к институциональным и формализованным площадкам взаимодействия. Общая пассивность в гражданском участии также не способствует эффективному взаимодействию молодежи и власти. С другой стороны, прослеживается высокий интерес к основным формам гражданского участия: молодые люди все так же заинтересованы в выборах и демократических формах выражения собственных интересов. Немаловажной является и заинтересованность в благотворительной деятельности и деятельности НКО, что позволяет говорить об этих направлениях как наиболее актуальных для молодых людей, через которые возможно налаживание каналов коммуникации с властью. Развитие интернет-технологий способствовало и появлению онлайн-форм активности (Соколов, Барский, 2021), которые часто используются молодежью. Социальные сети являются не только современным каналом коммуникации, но и средой выражения политических взглядов молодых людей (Волков).

Среди ключевых парадигм, в рамках которых проводилось данное исследование, можно выделить теорию социокультурного кризиса (Евгеньева, 1999). В ней отмечается, что в периоды значимых социальных трансформаций наблюдается девальвация традиционных моральных норм и ценностных ориентаций. Это предопределяет неустойчивость ориентаций и установок молодежи, их конъюнктурность и критичность.

Другой теорией, в рамках которой формировался дизайн нашего исследования, выступила теория социального обмена, рассматривающая лояльность как процесс взаимодействия и передачи ресурсов от одной стороны к другой (Bauer, Stokburger-Sauer, Exler, 2008). В рамках данной теории мы можем говорить о том, что власть, стремясь получить лояльность молодежи, будет ориентирована на передачу данной социальной группе определенных ресурсов, а молодежь, реагируя в соответствии со степенью своей удовлетворенности полученным, будет выражать определенную степень поддержки или критики политического режима. При этом исследователями выделяются три компонента лояльности: вовлеченность, удовлетворенность и принадлежность (Zhang и др., 2015). Чем больше они проявляются и присутствуют как в сознании и восприятии молодежи, так и в социально-политической действительности, тем большая степень лояльности проявляется со стороны молодежи.

Таким образом, можно говорить о том, что политическая лояльность молодежи к власти представляет собой сложный феномен, который определяется спецификой молодежи как социальной группы, трансформирующимися реалиями общественного устройства, запросом власти на социально-политическую стабильность и запросом молодежи на определенный статус и ресурсы.

Методы исследования

С целью определения особенностей политической лояльности молодежи, ее содержания и структуры был проведен опрос экспертов. Опрос проводился методом телефонного интервью, в нем принял участие 21 эксперт. В состав экспертов вошли 3 депутата Государственной думы России (в том числе двое — члены профильного комитета по молодежной политике), специалисты профильных департаментов региональной власти и государственных учреждений, руководители всероссийских молодежных организаций, а также представители молодежных общественных организаций и академического сообщества, изучающие общественно-политическую активность молодежи. Экспертам было предложено высказать свое мнение по 5 тематическим блокам (с подтемами и блоками подвопросов):

1. Понимание «лояльности»;
2. Характеристика современной молодежи;
3. Характеристика государственной молодежной политики;
4. Характеристика эффективности государственной молодежной политики;
5. Возможности формирования и управления лояльностью молодежи.

Была предпринята попытка обобщения подходов и оценок экспертов по ключевым тематическим блокам проведенных интервью.

С целью анализа нормативно-правовой базы работы с молодежью было проведено исследование юридически закрепленных молодежных диалоговых механизмов в субъектах Российской Федерации. Был проведен сбор и анализ нормативно-правовой базы 85 субъектов Российской Федерации на предмет наличия актов, регламентирующих ключевые формы молодежных диалоговых механизмов субъектов Российской Федерации. Исследование позволило выявить институциональный дизайн каждого из субъектов Российской Федерации. Источником выступила база Консультант Плюс (компьютерная справочная правовая система в России, включающая нормативные правовые акты Российской Федерации, законодательство 85 субъектов, основные международные правовые акты и законодательство СССР, проекты законов и нормативных правовых актов), в которой по ключевым словам был осуществлен поиск и изучение конкретных нормативно-правовых актов, регламентирующих ключевые формы молодежных диалоговых механизмов субъектов Российской Федерации.

Нормативные акты были сгруппированы в сравнительные таблицы и проанализированы. Это позволило как количественно, так и качественно представить сравнительную картину развития законодательства, включающего положения, регламентирующие создание и функционирование молодежных диалоговых механизмов в субъектах Российской Федерации. Количественный анализ позволил выявить субъекты Федерации, которые в наибольшей и наименьшей степени ориентированы на закрепление на законодательном уровне молодежных диалоговых механизмов.

Сопоставление ответов экспертов и результатов анализа нормативно-правовой базы позволило определить возможности управления лояльностью молодежи

в современной России, имеющиеся на настоящий момент институциональные ограничения в данной деятельности.

В рамках статьи была сформулирована следующая гипотеза: молодежь России в большей части является индифферентной по отношению к современной российской власти. Диалоговые институты и площадки, как механизмы взаимодействия органов власти и молодых людей, неэффективны ввиду отсутствия заинтересованности у молодежи в существующих форматах ведения диалога. Неосведомленность о деятельности органов власти также является важным фактором обособленности молодежи от политической повестки в современной России, что, в свою очередь, сказывается на её нейтральном отношении к деятельности институтов власти различного уровня. Ввиду отсутствия системы для выделения качественных и количественных характеристик молодежных групп выделение условий и критериев лояльности является затруднительным.

Таким образом, выстроенная в процессе осмысления сущности феномена лояльности молодежи и подготовки исследования модель включала в себя определение и интерпретацию базовых характеристик современной российской молодежи, восприятие ею социально-политических условий и сформировавшегося политического режима, осуществляемой им политики, а также возможного инструментария, который он может применить для повышения вовлеченности молодежи в функционирование политической системы, степени удовлетворённости своим положением, а также принадлежности данной политической системе.

Ценности и приоритеты современной молодежи

Результаты опроса экспертов позволяют сформулировать авторское определение политической лояльности молодежи как установки коллективного и массового сознания молодых людей следовать определенному политическому курсу и/или не воспринимать его негативно. Политическая лояльность предполагает знание и понимание особенностей политической структуры власти, может выражаться активно или пассивно. Ряд экспертов отметили, что политическая лояльность может выражаться не только относительно действующей власти, но и в отношении отдельных политических акторов, таких как партии, отдельные политики и т.д. При этом основой формирования политической лояльности большинство экспертов назвали осознание поддержки ценностей молодежи со стороны власти и создание возможностей для реализации данных целей и установок.

Для современной молодежи, по мнению экспертов, более характерны ценности самовыражения и самореализации (рис. 1). Во многом такие ценности определены медиапространством, в особенности социальными сетями, диктующими возможность быстрой самореализации и известности. Однако один из экспертов отметил, что подобное внушение ведет к потере молодежью стремления к профессиональному и общественному развитию, закикливанию молодых людей на социальных сетях и общественном мнении. Стремление к самореализации в указанном выше смысле, очевидно, тесно связано с меркантильными ценностями, которые в молодежи заметили 6 из опрошенных экспертов. Меркантильные ценности, на их взгляд, заключаются в стремлении к быстрому заработку, покупке статусных вещей для следования трендам и моде, а также получению личной выгоды для «возвышения» над сверстниками.

С точки зрения общественных ценностей, у части молодежи отмечается обостренное чувство социальной справедливости, свободы и необходимости гарантий прав,

Рис. 1. Ценности молодежи

Fig. 1. Youth Values

обеспечения правопорядка и равенства возможностей. При этом 2 эксперта отметили левые и консервативные ценности, набирающие популярность у молодежи. Стоит отметить поколенческое разделение молодежи, от которого также зависят ценности и их роль в жизни молодого человека. Так, по мнению одного из экспертов, наиболее оторванным от преследования каких-либо ценностей является поколение Y (поколение людей, родившихся примерно с 1981 по 1996 год), имеющее проблемы с мотивацией и самовосприятием, тогда как у современного поколения Z (поколение людей, родившихся примерно с 1997 по 2016 год) выделяются стремления к самореализации и активному саморазвитию. Однако оба этих поколения уступают поколению X (поколение людей, родившихся примерно с 1963 по 1980 год) в упорстве и стремлении к достижению поставленных целей. Совокупность ценностей и мотивации к их достижению напрямую влияет на политическую лояльность молодежи, т.к. позволяет оценить текущую политику с точки зрения возможностей их реализации.

В современной молодежной среде существует как лояльная, так и нелояльная молодежь. Причем обе эти группы достаточно малочисленны в сравнении с основной — индифферентной группой. При этом подобная ситуация характерна для всех возрастных групп молодежи. 19 из 21 экспертов с уверенностью подтвердили, что индифферентная группа молодежи преобладает во всех возрастах (рис. 2).

Причина нейтрального отношения заключается в первую очередь в отсутствии заинтересованности в политике, незнании специфики политического устройства государства, отсутствии веры в возможность реальных изменений от участия в политике. Интересным является факт того, что эксперты затруднялись дать точный ответ на преобладание лояльной молодежи в какой-то определенной возрастной группе. По мнению одного из экспертов, численность лояльных групп настолько мала, что в каждой из категорий они примерно равны в сравнении с общей совокупностью всей молодежи. Стоит также отметить, что наибольшую сложность данный вопрос вызвал у представителей органов региональной и федеральной власти, тогда как у представителей академического сообщества не вызвал затруднений. Это может говорить о недостаточно объективных данных о настроениях молодежи, собираемых и обрабатываемых комитетами по делам молодежи, региональными правительствами и профильными комиссиями законодательных органов власти.

Однако при оценке оппозиционно настроенной молодежи таких сложностей не возникло. Большое число оппозиционной молодежи в самой молодой ее группе

Рис. 2. Отношение к власти (количество ответов больше количества экспертов, так как эксперт мог выбрать одну или несколько возрастных групп, демонстрирующих определённое отношение к власти)

Fig. 2. Attitude towards power (the number of answers is bigger than the number of experts, since an expert was free to choose one or more age groups demonstrating a particular attitude towards power)

связано, по мнению ряда экспертов, с отсутствием взаимодействия с государственными институтами, а также воздействием яркой оппозиционной агитации в социальных сетях. По мнению одного из экспертов, подобное отношение к власти является результатом первичной социализации в семье и школе.

Несмотря на разрозненные оценки экспертов, удалось определить некоторые черты, присущие лояльной и оппозиционной молодежи.

Лояльная молодежь — преимущественно семейная и рабочая, 25+ лет. Лояльность проявляется в понимании необходимости контроля со стороны государства и в результате получения дополнительных благ от государства (семейные пособия и т.д.). На лояльность может положительно влиять низкая вовлеченность в общественно-политические процессы, а также неразборчивость в потреблении медиаконтента (имеется в виду отсутствие стратегии выбора каналов получения коммуникации и предпочтение традиционных каналов). Ряд экспертов отметили, что в малых городах и в сельской местности молодежь больше склонна проявлять лояльность, т.к. имеет больше возможностей взаимодействия с местной властью. Однако это мнение опровергается экспертами, отмечающими противоположную специфику у нелояльной молодежи.

Нелояльная молодежь — это чаще младшие возрастные группы (14–25 лет), преимущественно студенты в крупных городах. Ряд экспертов отмечают роль получения высшего образования на формирование критического восприятия ситуации. Вместе с этим те же эксперты отмечают, что повышенная оппозиционность может наблюдаться у молодежи, в особенности младшего возраста, проживающей в сельской местности и в малых городах. Это связано с уже вышеупомянутыми ценностями равенства и самореализации, достижение которых на данных территориях, по мнению экспертов, затруднено. Таким образом, в малых городах и сельских территориях в большей степени преобладает индифферентная и оппозиционная молодежь. Исключение составляют локальные примеры, когда власть на местном уровне активно взаимодействует с молодежью и приглашает ее к участию в принятии и реализации решений.

Взаимодействие власти и молодежи

Как демонстрируют результаты исследования, власть старается работать с разными аудиториями молодежи (10 экспертов ответили, что власть работает со всеми

Рис. 3. Видит ли власть изменения в молодежи

Fig. 3. Do the authorities see changes in young people?

группами). При этом 4 эксперта отмечают, что преимущество во взаимодействии отдается небольшой группе лояльных и активных молодых людей, которые составляют основу взаимодействия власти и молодежи на различных молодежных площадках, в рамках проектной деятельности и т.д.

Всего 5 экспертов отмечают, что власть работает исключительно с лояльными молодыми людьми. При этом главный аргумент экспертов, утверждающих, что власть работает и с оппозиционной молодежью, заключается в том, что за счет этого органы власти могут получать обратную связь с информацией о существующих проблемах. Еще одним аргументом в пользу взаимодействия власти и оппозиционной молодежи является то, что последняя позволяет продемонстрировать значимые изменения в своей социальной группе, которые требуют внимания руководства страны.

Почти половина экспертов (рис. 3) согласны с тем, что власть видит изменения в молодежи, но не понимает их или не может подстроиться ввиду сложности бюрократической системы. При этом три эксперта убеждены, что власть, в большей степени федеральная и верхушка региональной, не хочет видеть эти изменения, т.к. настроена негативно в отношении молодежи и не видит перспектив во взаимодействии с ней. Те же эксперты, кто отмечает реакцию власти на изменения в молодёжи, приводят в качестве примера последние действия федеральной и региональной власти по расширению присутствия в социальных сетях, расширению государственной поддержки молодежных инициатив. Как один из примеров приводится проект «Университет 20.35», который предоставляет значительные преимущества для молодежи, ценностью которой является саморазвитие и обучение.

По мнению большей части экспертов (3 человека указали на эффективно выстроенный диалог власти и молодежи, 11 — частично эффективно), взаимодействие власти с молодежью недостаточно и ведется слабо. В основном критикуются федеральные и региональные структуры. Отмечается, что большая часть работы сконцентрирована на взаимодействии молодежи и профильного регионального комитета (департамента и т.д.), сил и финансирования которого зачастую недостаточно. В то же время наибольшее взаимопонимание власти и молодежи наблюдается на муниципальном уровне, особенно в тех случаях, когда местные структуры возглавляются прогрессивными молодыми руководителями.

Таблица 1. Значимость нормативно закреплённых диалоговых институтов власти и молодежи

Table 1. The importance of normatively institutionalized enshrined dialogue institutions of the power and the youth

№	Нормативно закреплённый диалоговый институт власти и молодежи	Среднее значение
1	Молодежный парламент	4,05
2	Молодежное правительство	4,29
3	Молодежные советы при органах власти и должностных лицах	5,48
4	Конкурсы молодежных проектов	7,86
5	Конкурсы для волонтеров	6,95
6	Молодежный кадровый резерв региона	4,67
7	Молодежные избирательные комиссии	4,90

Положительным опытом взаимодействия власти и молодежи можно считать различные форумы, конкурсы молодежных проектов, а также все формы социальной поддержки молодых семей. Помимо этого положительный опыт демонстрирует ряд кейсов дискуссионных площадок на уровне муниципальных образований. Однако, по мнению 7 экспертов, существующие формы взаимодействия направлены в большей степени на работу с незначительным и неизменным по составу числом лояльных и талантливых молодых людей, попасть в число которых достаточно сложно.

Институциональные рамки молодежных диалоговых механизмов

Законодательство субъектов Российской Федерации закрепляет целый ряд диалоговых институтов, в рамках которых может осуществляться взаимодействие власти и молодежи (табл. 1). Их анализ был проведен двумя методами: опроса экспертов и нормативным методом.

В ходе опроса экспертов была предпринята попытка оценить значимость данных механизмов для выстраивания диалога по 10-балльной шкале (табл. 1).

Стоит отметить, что в ответах всех экспертов прозвучала позитивная оценка конкурсов молодежных проектов как эффективного института взаимодействия власти и молодежи. Данные конкурсы отвечают требованиям открытости и вовлеченности молодежи, что делает их более привлекательными и востребованными у молодых людей. При этом конкурсы для волонтеров получили менее высокий балл за счет низкой оценки двух экспертов, указавших на негативный характер современного волонтерского движения, а также на меркантильные цели, преследуемые его участниками. По словам одного из экспертов, волонтерские организации и движения превратились в «модную тусовку». Следующими по значимости из формализованных институтов являются молодежные советы при органах власти. Здесь оценки экспертов разделились в зависимости от того, встречали ли они успешные практики деятельности подобных институтов. Из ответов экспертов понятно, что практики, в которых молодежный совет имеет реальную возможность повлиять на принятие решений или имеет прямой контакт с представителями

власти, принимающими решения, достаточно редки, но, по мнению большинства опрошенных, могут являться одним из наиболее эффективных институтов. Основное условие для достижения эффективности — открытость и желание власти, прежде всего руководителя местной или региональной власти, идти на контакт и вести конструктивный диалог.

Наименее значимыми, по мнению экспертов, оказались институты, дублирующие деятельность полноценных государственных институтов (молодежный парламент, молодежное правительство). Как отмечает большинство респондентов, доступ к данным институтам имеет ограниченное число молодых людей, в основном получающее профильное образование или активно вовлеченное в общественно-политическую деятельность. При этом деятельность этих институтов зачастую носит исключительно формальный характер, инициативы редко поддерживаются органами власти, а деятельность слабо освещается в СМИ и социальных сетях властных структур. В связи с этим мотивация к участию в деятельности данных институтов наиболее низкая.

Исследование регионального законодательства 85 субъектов Российской Федерации, проведенное с целью выявления нормативно закрепленных механизмов коммуникации государства с молодежью на региональном уровне, которые могли бы давать возможность через формализованные институты осуществлять диалоговое взаимодействие, стимулировать желание молодых людей участвовать в жизни общества, участвовать в выработке повестки на региональном уровне, позволило также сформировать рейтинг регионов России по уровню нормативного закрепления диалоговых инструментов взаимодействия с молодежью. Исследование не было направлено на оценку действенности и эффективности нормативно закрепленных инструментов, за учет брался исключительно формальный компонент наличия/отсутствия искомых нормативных актов.

Реестр искомых нормативных актов, положенных в основу рейтинга, был сформирован на основании проведенных в рамках проекта экспертных интервью. Были выявлены и сведены в реестр нормативно закрепленные диалоговые механизмы, которые респонденты посчитали наиболее значимыми для развития молодежной политики и вовлечения молодежи в диалог на уровне субъектов Российской Федерации. Каждому из названных инструментов был присвоен коэффициент значимости на основе оценок экспертов (таблица 1).

Из выделенных экспертами механизмов есть такие, как молодежные правительства, молодежные парламенты, которые нормативно закреплены в большом количестве регионов. Лишь в 9 субъектах из 85 не была обнаружена правовая основа для работы молодежного парламента, в 22 — молодежного правительства. Следующая по распространению форма — молодежные избирательные комиссии, создание которых нормативно предусмотрено в 30 субъектах России. Менее распространено создание молодежных советов при органах власти и должностных лицах: такие примеры были обнаружены лишь в 12 регионах. Молодежный кадровый резерв региона был выявлен в нормативной базе 18 регионов. Конкурсы молодежных проектов распространены примерно в половине субъектов — 42 регионах, а конкурсы для волонтеров — в 10.

С учётом выявленных нормативных актов и присвоенных им весовых коэффициентов, рейтинг субъектов Российской Федерации показал, что нулевого значения нет ни у одного из субъектов. Та или иная форма взаимодействия с молодежью

в нормативной базе присутствует в каждом регионе. Разброс баллов в рейтинге составляет от 4,05 (минимум) до 32,72 (максимум) при максимально возможном 38,2. Исходя из набранных баллов, все субъекты можно разделить на три группы: субъекты, набравшие до 10 баллов, — в эту группу включены 26 регионов; субъекты, набравшие от 10 до 20 баллов, — таких 34; субъекты, набравшие более 20 баллов, — таких оказалось 23.

Эксперты в рамках проведенных интервью делали акцент на важности создания массовых диалоговых площадок, чтобы во взаимодействие были включены осязаемые для региона группы совершенно разной как по возрасту, так и по взглядам молодежи. Выявленные в рамках анализа нормативной базы инструменты вразрез с ожиданиями экспертов, показали наличие лишь узких формализованных каналов: молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные советы при органах власти в субъектах России, которые специфичны по сути потому, что изначально ориентированы на вовлечение малого количества уже успешной, интеллектуально подкованной, активной молодежи. И при хорошо поставленной работе эти институции способны дать ожидаемый от них позитивный социальный эффект для коммуникации. Однако проблема в том, что, кроме упомянутых и охарактеризованных выше, в регионах нет иных нормативно закреплённых каналов взаимодействия с молодежью, которые бы могли вовлечь в системную коммуникацию широкие и разные по взглядам, интересам слои школьников, студентов, работающей молодежи и др.

Возможности формирования политической лояльности молодежи

Эксперты склоняются ко мнению, что в общественно-политической активности участвует малая доля молодежи. Основные формы участия: выборы, наблюдение за выборами, добровольчество, участие в общественных объединениях в вузах или при организациях, а также членство в молодежных отделениях партий. При этом отмечается, что у молодежи достаточно низкая мотивация к участию в общественно-политической активности, т.к. она не видит практической пользы для себя или чувствует обман со стороны власти, привлекающей ее к активности (попытка использовать молодежь в чьих-то интересах). Ряд экспертов возвращаются к вопросу о ценностях и говорят о том, что актуальные формы активности вызывают отторжение у некоторых слоев молодежи в связи с отсутствием обратной связи после участия в них, а также низкой практической полезностью для дальнейшей самореализации. При этом, по мнению большинства экспертов (16), вовлечение молодежи в общественно-политическую деятельность возможно за счет обеспечения прозрачности процедуры, понятных и открытых механизмов взаимодействия, а также адекватных способов поощрения.

Важным фактором вовлечения молодежи в общественно-политическую активность и повышения ее лояльности может стать создание инфраструктуры для данной социальной группы. Вместе с этим, по оценке многих экспертов, обеспечение молодежи инфраструктурой не гарантирует лояльности, т.к. существует установка на то, что «государство и так должно это делать». Еще одной негативной оценкой данного фактора является индифферентность молодежи и ее безразличие к создаваемой инфраструктуре, т.к. она не соответствует интересам и ценностям, а создается на основе представлений власти о потребностях молодежи. Таким образом, логичным является привлечение молодёжи не только к принятию решений

о форме и содержании инфраструктурных проектов, но, как отмечают 15 из опрошенных экспертов, и к непосредственной реализации одобренных проектов. Но даже вместе с этим создание инфраструктуры без информирования о ней сделает ее создание неэффективным.

Информирование как фактор, влияющий на формирование лояльности, также высоко оценивался экспертами. По мнению 19 из 21 эксперта, правильное информирование является залогом вовлечения молодежи. Тем не менее ряд экспертов отметили, что информирование молодежи может привести к обратному эффекту. Вместо повышения лояльности молодежь может проявлять негативные реакции, если под информацией будет скрываться попытка манипуляции, обмана, искажения фактов.

Возможность онлайн-активности не оценивается экспертами высоко, т.к. данный фактор воспринимается как неотъемлемый и скорее его отсутствие вызовет волну протестов. В противовес этому, престиж и практическая значимость получили неоднозначные оценки экспертов. Обобщая ответы экспертов, можно сказать что поощрения могут обеспечить лояльность в краткосрочной перспективе, в особенности у тех, для кого практическая личная полезность является приоритетом деятельности. Здесь вновь акцентируется внимание на ценностях. Эксперты, организующие молодежные мероприятия или взаимодействующие с волонтерами, отмечают, что заинтересованность молодежи может быть подогрета как за счет небольших поощрений в виде грамот, небольших подарков, фирменной продукции (кепки, футболки, кружки и т.д.), так и денежными вознаграждениями за активность. Все вышеперечисленное относится в большей степени к школьной и студенческой молодежи, тогда как представители семейной и рабочей молодежи ориентированы на действия государства по созданию условий и содержанию предлагаемой активности. Содержание активности — один из приоритетных факторов: 18 экспертов считают его важным, т.к. именно от тех форм участия, которые предлагает государство, зависит желание или нежелание молодежи принимать участие в ней. Очень важно, чтобы внешнее представление предлагаемой деятельности, информирование о ней соотносилось с ее содержанием. В противном случае подобное несоответствие приведет к росту оппозиционных настроений и числа недовольных.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что лояльность молодежи может вовлечь ее в постоянный диалог с государством, обеспечить прозрачность и открытость большинства процессов с ее участием, а также привлечь к процессу принятия и реализации решений, связанных непосредственно с ней. Данные утверждения прозвучали в ответах всех экспертов. При этом немаловажным остается вопрос формирования долгосрочной лояльности, что в настоящий момент удается с трудом, и акцент делается на управлении лояльностью в зависимости от общественно-политических целей в рамках конкретно взятого кейса. Вместе с тем, по мнению половины экспертов, управление лояльностью возможно в краткосрочной перспективе и ведет к росту оппозиционности и отворачивания молодежи, если применяемые методы не соответствуют идеалам открытости, честности и т.д.

Важным фактором формирования лояльности молодежи, по мнению 20 экспертов, являются диалоговые механизмы. Их основная задача — привлечь молодежь к активности и реальному участию. Идеальный диалоговый институт должен сочетать в себе как онлайн, так и офлайн-формы, реализовываться на постоянной и регулярной основе и быть скорее неофициальной площадкой взаимовы-

годного общения, чем официальным местом встреч молодежи и должностных лиц. В рамках подобного диалогового института могут проходить встречи между заинтересованной властью, лидерами общественного мнения из числа молодежи (в том числе из органов власти). Особенностью таких площадок должна стать открытость, доступность, прозрачность, взаимный интерес и, что отметило большинство экспертов, реальный результат работы. Как указал один из экспертов, институт должен придерживаться принципа «диалога на равных», что обеспечит стирание существующей между представителями власти и молодежи преграды во взаимопонимании.

Стоит также упомянуть, что эксперты назвали несколько проблем существующих диалоговых институтов. Первой из них является незаинтересованность участия в таких институтах со стороны молодежи. Чаще всего об этом говорят представители профильных органов государственной власти и государственных учреждений. Представители молодежной политики обращают внимание на то, что даже при отсутствии явных рамок для общения молодежь воздерживается от вопросов либо ввиду отсутствия конкретных запросов к власти и непонимания своей роли в процессе диалога, либо в связи с подозрением в искусственности самого процесса. Второй проблемой, указанной представителями молодежных общественных организаций, является низкая информированность о деятельности диалоговых институтов и о возможности участия в них. С течением времени это делает такие институты менее эффективными, т.к. все больше растет разрыв между большинством молодежи и участниками таких институтов. Третьей явной проблемой, отмеченной экспертами, является безразличие к активности и диалогу, предлагаемым государством. Основной причиной низкой заинтересованности молодежи можно считать недостаточное информационное освещение и финансирование данных институтов, а также высокий порог требований, предъявляемых к участникам для включения в них.

Несмотря на наличие широкого круга проблем, эксперты назвали несколько примеров эффективных диалоговых площадок в своих регионах. Так, один из экспертов отметил работу администрации муниципалитета по взаимодействию с молодежью. Суть взаимодействия заключается в организации и проведении встреч молодежи и руководителя местной власти. Данные встречи проходят регулярно и не требуют регистрации участников, что позволяет всем желающим пообщаться с представителем власти и высказать ему личные проблемы. Другим примером эффективного диалогового механизма является конкурс проектов для молодежи, в рамках которого инициативы, предложенные молодыми людьми, получают финансирование и реализуются при активном участии самой молодежи и представителей власти. Интересным является тот факт, что ни один эксперт не отметил в своих примерах формализованные и часто встречающиеся в законодательстве институты.

Выводы

Делая выводы, можно сказать, что гипотеза исследования подтверждается. Отношение молодежи к органам власти сильно дифференцировано. Нельзя с уверенностью сказать о лояльности или нелояльности всей молодежи как единой социальной группы. Политические субкультуры формируют различные ценностные и мировоззренческие установки, которые влияют на формирование неоднородных

групп. Такие молодежные группы имеют несколько схожих социальных и демографических признаков, отличающих их друг от друга. Необходимо отметить также и низкую осведомленность о деятельности органов власти среди молодежи, это формирует не только предвзятое отношение, но и вызывает отторжение из-за отсутствия понимания прозрачности взаимодействия.

Современная российская молодежь заинтересована в развитии демократических институтов и либеральных ценностей, но, с другой стороны, чувствует потребность в сильном и стабильном государстве ввиду современных постоянно изменяющихся условий. Удовлетворение потребностей зачастую не вызывает лояльности, но трансформация потребностей в интересы может способствовать активизации со стороны социальной группы, побуждая ее действиями достичь групповых и коллективных целей. Механизмы воздействия со стороны власти часто оказываются неэффективными по причине своей однонаправленности и несоответствия интересам молодежи, а механизмы диалогового взаимодействия не отличаются разнообразием и формализацией каналов взаимодействия, что достаточно сильно влияет на процессы принятия решений в сфере молодежной политики.

Высокая пассивность молодежи по отношению к диалоговым институтам позволяет говорить об их общей неэффективности в регулировании лояльности и вовлечении в общественно-политическое участие на данный момент. Необходимо учитывать незаинтересованность молодых людей при разработке рекомендаций (иные действия при попытке вовлечения могут вызвать обратный эффект).

Общая пассивность также не позволяет говорить о гражданском участии молодежи. С другой стороны, прослеживается высокий интерес к основным формам гражданского участия (электоральные процессы). Немаловажной является и заинтересованность в благотворительной деятельности и деятельности НКО, что позволяет говорить об этих направлениях как наиболее актуальных для молодых людей.

Отсутствие системности и массовости в деятельности диалоговых институтов не позволяет вовлекать максимально широкие слои молодежных групп. Необходимо реформировать систему диалоговых площадок молодежного участия, предусмотрев внедрение наиболее «запрашиваемых» со стороны самих молодых людей механизмов диалога с властными структурами, для развития отношений взаимного доверия и понимания.

Анализ диалоговых институтов позволяет сделать первый шаг в направлении оценки лояльности молодежи. По мнению большинства опрошенных экспертов, оценка лояльности молодежи должна осуществляться на основе двух факторов: фактическое общественно-политическое участие молодежи и субъективные оценки молодежью действующей власти и политической ситуации в стране. При этом эксперты из числа академического сообщества указывают на недостаточную разработанность методологического аппарата для изучения лояльности: отсутствие выработанных критериев оценивания, точных определений лояльности и степени доверия субъективным показателям оценки молодежью политической ситуации в стране. Вместе с тем представители государственных органов отдают предпочтение при оценке лояльности двум основным критериям: электоральной активности и данным социологических исследований. Стоит отметить ответ одного из экспертов, что наиболее приближенной к реальной оценке лояльности молодежи удастся добиться в случае применения технологий Big Data и анализа всего виртуального пространства рунета: поисковых запросов, комментариев, публикаций в социаль-

ных сетях и форумах. Таким образом, из ответов экспертов может быть составлено примерное очертание методической базы для оценки лояльности молодежи.

Необходимо отметить, что выделение условий и критериев лояльности молодёжных групп является довольно сложной задачей ввиду отсутствия специально разработанных прикладных методологических материалов, которые способствовали бы определению качественных или количественных характеристик анализируемой социальной группы. Возможным вариантом определения критериев лояльности может являться анализ Big Data характеристик и предпочтений молодежи, что подтверждается мнением некоторых экспертов.

Библиографический список

- Алмонд, Г., Пуэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Мировой обзор. Москва: Аспект Пресс.
- Бронников, И. А. (2019). Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии. *PolitBook*, 2, 6–24.
- Волков, Д. (2022). Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. *Европейский диалог*. Режим доступа http://www.eedialog.org/ru/2020/06/12/cennosti-orientacii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokolenija/?fbclid=IwAR1tNCPE9-3BkZzHgP1aSHGY5a8LuUtG7HC1x19_xKNIHZmVqfjmwSQndls
- Волкова, Н. В., Гусева, Л. А. (2013). Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества. *Современные проблемы науки и образования*, 5. Режим доступа <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10681>
- Гудков, Л., Зоркая, Н., Кочергина, Е., Липия, К., Рысева, А. (2020). «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления. *Вестник общественного мнения*, 1–2, 21–121.
- Гукова, И. Н. (2015). Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации. *Теория и практика общественного развития*, 21, 156–159.
- Евгеньева, Т. В. (1999). Архаическая мифология в современной политической культуре. *Полития*, 1, 331–343.
- Ерпылева, С. В., Магун, А. В. (ред.) (2014). *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2011). Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи. *Социология власти*, 6, 9–20.
- Исаева, Е. А. (2013). Нормативно закреплённые диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности. *Власть*, 8, 39–41.
- Карпунин, О. И. (2000). Молодежь России: особенности социализации и самоопределения. *Социологические исследования*, 3, 124–128.
- Комаровский, В. С. (2021). Образ будущего России глазами молодежи. Москва: Аспект-Пресс.
- Кошкин, А. П. (2010) Власть и общество: проблемы российской коммуникации. *Среднерусский вестник общественных наук*, 2, 118–122.
- Кучмаева, О. В. (2008). Ценность семьи и модели поведения молодых людей. *Ученый Совет*, 9, 60–62.
- Попова, О. В., Лагутин, О. В. (2019). Политические настроения молодежи: лояльность или протест? *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 4, 599–619.
- Попова, О. В., Шашкова, Я. Ю. (ред.) (2019). *Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи*. СПб.: Скифия-принт.
- Пырма, Р. В. (2019). Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 9(6), 100–110.

- Санина, А. Г. (2012) Лояльность как социально-философская и практическая проблема. *Вопросы философии*, 10, 20–25.
- Соколов, А. В., Барский, Я. В. (2021). Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 2, 68–74.
- Соколов, А. В., Палагичева, А. В. (2020). Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте. *Политическая наука*, 3, 266–297.
- Сычев, О. А., Протасова, И. Н., Власов М. С. (2020). Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России. *Социальная психология и общество*, 2, 38–53.
- Шапино, С. А. (2013). Лояльность как критерий типологии политической культуры современной России (к постановке проблемы). *Философские науки*, 1, 48–54.
- Шестов, Н. И. (2008). Рациональное в политическом мифе «лояльности». *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 2, 72–86.
- Bauer, H. H., Stokburger-Sauer, N. E., Exler, S. (2008). Brand Image and Fan Loyalty in Professional Team Sport: A Refined Model and Empirical Assessment. *Journal of Sport Management*, 22(2), 205–226.
- Clément, K., Zhelnina, A. (2020). Beyond Loyalty and Dissent: Pragmatic Everyday Politics in Contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33, 143–162.
- Hills, M. (2005). Patterns of Surprise: The “aleatory object” in Psychoanalytic Ethnography and Cyclical Fandom. *American Behavioral Scientist*, 7, 801–821.
- Pilkington, H., Pollock, G. (2015). ‘Politics are Bollocks’: Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*, 63, 1–35.
- Putnam, R. D. (1995). Bowling Alone: America’s Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1, 65–78.
- Vikulov, A., Plotnikova, T., Shevchenko et al. (2019). Citizenship in the Structure of Socio-Political Orientations of Russian Youth: Place and Role in Statehood Strengthening. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 5, 744–749.
- Zhang, X-X, Liu, L, Zhao, X et al. (2015). Towards a Three-Component Model of Fan Loyalty: A Case Study of Chinese Youth. *PLoS ONE*, 4. DOI: 10.1371/journal.pone.0124312.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021

Статья принята к публикации 05.12.2021

Для цитирования: Исаева Е. А., Фролов А. А., Беляков А. А., Гребенко Е. Д. Лояльность молодёжи к современной российской власти. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 4. С. 22–41.

LOYALTY OF YOUTH TO MODERN RUSSIAN AUTHORITIES

E. A. Isaeva, A. A. Frolov, A. A. Belyakov, E. D. Grebenko

Elena A. Isaeva

E-mail: elenia2000@mail.ru. ORCID 0000-0001-7001-6161.

Alexander A. Frolov

E-mail: a.a.froloff@gmail.com. ORCID 0000-0001-8775-016X.

Alexey A. Belyakov

E-mail: belyakov.aleksey920@gmail.com. ORCID 0000-0002-2586-3975.

Egor D. Grebenko

E-mail: grebenkoegor76@gmail.com. ORCID 0000-0001-9978-077X.

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya Str., 14, Yaroslavl, 150000, Russia

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the EISI as part of research project No. 21-011-31770, “Opportunities and Threats of Managing Youth Loyalty in Modern Russia”.

Abstract. The article explores the political loyalty of Russian young people to modern authorities. The paper contains the results of the two surveys conducted in 2021. In the first study, the experts were invited to express their opinions on the following five (thematic) blocks: understanding of «loyalty»; characteristics of modern youth; characteristics of state youth policy of the Russian Federation; and the possibilities of shaping and managing the loyalty of young people. The panel of experts consisted of three deputies of the State Duma of the Russian Federation (two of them are the members of the Committee on Youth Policy), professionals of relevant departments of regional authorities and government agencies, the leaders of the national youth organizations, as well as the representatives of youth NGOs and academic community, who study the social and political activity of young people. The second study is the analysis of institutionalized youth dialogue mechanisms across 85 constituent entities of the Russian Federation. The source was the Consultant Plus Database. The paper examines the basic values and priorities that dominate among the youth, their attitude to the authorities, the nature of interaction with them, and the institutional framework of youth dialogue mechanisms. The significance of the key regulatory institutions of dialogue between government and youth is assessed. Thus, young people’s attitudes toward the authorities are highly differentiated. The predominant attitude of young people towards the power(s) is indifference owing to their insufficient knowledge of the activities of the authorities. It is noted that the existing mechanisms of influence used on the part of authorities are not effective because they are one-directional and do not match the interests of young people. Moreover, the mechanisms of dialog interaction are not distinguished by the diversity and formalization of its channels, which greatly affects the decision-making processes in the sphere of youth policy. The article emphasizes the significance of developing a dialogue between the authorities and the young people through their involvement into addressing significant social issues taking into account their interests and priorities. In addition, it identifies opportunities to build the political loyalty of young people.

Keywords: youth, loyalty, power, dialogue institutions, interaction.

DOI 10.31429/26190567-22-4-22-41

References

- Almond, G., Puell, Dzh., Strom, K., Dalton, R. (2002). *Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoy obzor* [Comparative Politics Today. World Review]. M. Aspekt Press.
- Bauer, H. H., Stokburger-Sauer, N. E., Exler, S. (2008). Brand Image and Fan Loyalty in Professional Team Sport: A Refined Model and Empirical Assessment. *Journal of Sport Management*, 22(2), 205–226.
- Bronnikov, I. A. (2019). Politicheskiye praktiki setevogo grazhdanskogo aktivizma v Rossii: novyye platformy i tekhnologii [Political Practices of Network Civic Activism in Russia: New Platforms and Technologies]. *PolitBook* [Politbook], 2, 6–24.
- Clément, K., Zhelnina, A. (2020). Beyond Loyalty and Dissent: Pragmatic Everyday Politics in Contemporary Russia. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33, 143–162.
- Erpyleva, S., Magun, A. (Eds). (2014). *Politika apolitichnykh: Grazhdanskiye dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [The Politics of the ‘Apolitical.’ Citizens Movements in Russia, 2012–2013]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, Ye., Pipiya, K., Ryseva, A. (2020). “Pokoleniye Z”: Molodezh' vremeni putinskogo pravleniya [“Generation Z”: Youth under Putin’s Rule]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion]. (1–2). 21–121.
- Gukova, I. N. (2015). Perspektivnyye formy razvitiya obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti molodezhi v Rossiyskoy Federatsii [Promising Forms of Youth’s Socio-Political Activity Devel-

- opment in The Russian Federation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 21, 156–159.
- Hills, M. (2005). Patterns of Surprise: The “aleatory object” in Psychoanalytic Ethnography and Cyclical Fandom. *American Behavioral Scientist*, 7, 801–821.
- Isayeva, Ye. A. (2013). Normativno zakreplennyye dialogovyye ploshchadki vlasti i obshchestva v sub»ektakh Rossii: predposylki effektivnosti [Normatively Fixed Dialog Platforms of Power and Society in the Subjects of Russia: Preconditions of Efficiency]. *Vlast'* [Power], 8, 39–41.
- Karpukhin, O. I. (2000). Molodezh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya [Youth of Russia: Peculiarities of Socialization and Self-Determination]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3, 124–128.
- Komarovskiy, V. S. (2021). *Obraz budushchego Rossii glazami molodezhi* [The Image of Russia's Future through the Eyes of the Youth]. Moskva: Aspekt-Press.
- Koshkin, A. P. (2010). Vlast' i obshchestvo: problemy rossiyskoy kommunikatsii [Power and Society: Problems of Russian Communication]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2, 118–122.
- Kuchmayeva, O. V. (2008) Tsennost' sem'i i modeli povedeniya molodykh lyudey [The Value of the Family and Behavior Patterns of Young People]. *Uchenyy Sovet* [Academic Council], 9, 60–62.
- Pilkington, H., Pollock, G. (2015). ‘Politics are Bollocks’: Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*, 63, 1–35.
- Popova, O. V., Shashkova, Ya. Yu. (Eds) (2019). *Rol' molodezhnykh organizatsiy v protsesse politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodezhi* [Role of Youth Organizations in the Process of Political Socialization of Russian Youth]. SPb.: Skifiya-print.
- Popova, O. V., Lagutin, O. V. (2019) Politicheskiye nastroyeniya molodezhi: loyal'nost' ili protest? [Political Views of The Youth: Loyalty or Protest?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [Bulletin of RUDN University. Series: Political Science], 4, 599–619.
- Putnam, R. D. (1995). Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1, 65–78.
- Pyrma, R. V. (2019). Protestnyye nastroyeniya rossiyskoy molodezhi v tsifrovoy seti [Protest Moods of Russian Youth in the Digital Network]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 9(6), 100–110.
- Sanina, A. G. (2012). Loyal'nost' kak sotsial'no-filosofskaya i prakticheskaya problema [Loyalty as a Socio-Philosophical and Practical Problem]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 10, 20–25.
- Shapiro, S. A. (2013). Loyal'nost' kak kriteriy tipologii politicheskoy kul'tury sovremennoy Rossii (k postanovke problemy) [Loyalty as a Criterion for the Typology of the Political Culture of Modern Russia (The Statement of Problem)]. *Filosofskiy nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 1, 48–54.
- Shestov, N. I. (2008). Ratsional'noye v politicheskom mife “loyal'nosti” [Rational in the Political Myth of “Loyalty”]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [Vestnik RUDN University. Series: Political Science], 2, 72–86.
- Sokolov, A. V., Barskiy, Ya. V. (2021). Razvitiye grazhdanskoy aktivnosti v Rossii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Development of Civic Engagement in Russia in the Context of Digital Transformation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2, 68–74.
- Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. (2020). Mobilizatsiya i demobilizatsiya v setevom politicheskom proteste [Mobilization and Demobilization in a Network Political Protest]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 266–297.
- Sychev, O. A., Protasova, I. N., Vlasov, M. S. (2020). Moral'nyye osnovaniya i namereniye uchastvovat' v golosovanii na vyborah prezidenta Rossii [Moral Foundations and Intention to Vote

- on Presidential Elections in Russia]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2, 38–53.
- Vikulov, A., Plotnikova, T., Shevchenko et al. (2019). Citizenship in the Structure of Socio-Political Orientations of Russian Youth: Place and Role in Statehood Strengthening. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 5, 744–749.
- Volkov, D. (2022). Tsennosti, oriyentatsii i uchastiye v politicheskoy zhizni rossiyskogo molodogo pokoleniya [Values, Orientations and Participation in the Political life of the Russian Young Generation]. *Yevropeyskiy dialog* [European Dialogue]. Retrieved from http://www.eedialog.org/ru/2020/06/12/cennosti-orientacii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokolenija/?fbclid=IwAR1tNCPE9-3BkZzHgP1aSHGY5a8LuUtG7HC1x19_xKNIHZmVqfjmwSQndls
- Volkova, N. V., Guseva, L. A. (2013). Grazhdanskaya aktivnost' kak zerkalo politicheskikh, dukhovnykh i kul'turnykh tsennostey obshchestva [Civic Engagement as a Mirror of Political, Spiritual and Cultural Values of Society]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 5. Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10681>
- Yevgen'yeva T. V. (1999). Arkhaicheskaya mifologiya v sovremennoy politicheskoy kul'ture [Archaic Mythology in Contemporary Political Culture]. *Politiya* [Politia], 1, 331–343.
- Zhang, X-X, Liu, L, Zhao, X et al. (2015). Towards a Three-Component Model of Fan Loyalty: A Case Study of Chinese Youth. *PLoS ONE*, 4. DOI: 10.1371/journal.pone.0124312.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2011). Sotsiokul'turnyy mekhanizm samoregulyatsii v politicheskoy zhizni molodezhi [Social and Cultural Mechanism of Self Regulation in The Political Life of Youth]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 6, 9–20.

Received 10.10.2021

Accepted 05.12.2021

For citation: Isaeva E. A., Frolov A. A., Belyakov A. A., Grebenko E. D. Loyalty of Youth to Modern Russian Authorities. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 4. Pp. 22-41.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).